



МОСЯН ТУНСЮ

СИСТЕМА
«СПАСИ-СЕБЯ-САМ»
ДЛЯ **Главного
Злодея** **3**
ТОМ



МОСКВА

УДК 821.581-312.9
ББК 84(5Кит)-44
М84

Mo Xiang Tong Xiu
Ren Zha Fan Pai Zi Jiu Xi Tong Vol 3
Author©墨香铜臭

Russian Edition rights under license granted by
北京晋江原创网络科技有限公司
(Beijing Jinjiang Original Network Technology Co., Ltd)
Russian Edition copyright © 2025 Limited company «Publishing house «Eksmo»
Arranged through JS Agency Co., Ltd.

All rights reserved
Cover Illustration by Xiao Tong Kong (Velinxi)

Перевод *Евгении Сойкиной (Псой) и Ольги Сойкиной (Сысой)*
Иллюстрации *Djuneу9*
Чибики *RACCUN*

Ответственный редактор *Евгения Сафонова*



Мосян Тунсю.

М84 Система «Спаси-Себя-Сам» для Главного Злодея. Том 3 /
Мосян Тунсю ;(перевод с китайского Е. Сойкиной (Псой)
и О. Сойкиной (Сысой)). — Москва : Эксмо, 2025. — 432 с.

ISBN 978-5-04-203582-1

Чтобы спасти свою школу от уничтожения, Шэнь Цинцю согласился с требованиями Ло Бинхэ.

Шэнь Цинцю жаждет вернуться к мирным дням, которые они с учеником вместе коротали на пике Цинцзин, но это невозможно. Ло Бинхэ превратился в настоящего Повелителя демонов, и теперь ему приходится противостоять собственному отцу.

Чем дальше, тем больше секретов «Пути Гордого Бессмертного Демона» открывается Шэнь Цинцю... включая прошлое настоящего хозяина его тела. И он понимает, что должен принять Ло Бинхэ таким, какой он есть. Иначе они оба погибнут... А с ними, возможно, весь мир.

УДК 821.581-312.9
ББК 84(5Кит)-44

ISBN 978-5-04-203582-1

© Сойкина Е. (Псой), Сойкина О. (Сысой),
перевод на русский язык, 2025
© Оформление, издание на русском языке.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025



От разрыва между мирами вёл широкий коридор. Яркие пятна попарно висящих на стенах факелов уходили в тёмные, словно дремучая чаща, глубины. Судя по фрескам по обеим сторонам коридора, да ещё по небывалой концентрации энергии инь, Шэнь Цинцю шествовал за Ло Бинхэ по его главному штабу в мире демонов.

Когда разрыв за их спинами закрылся, Ло Бинхэ, больше не видя смысла удерживать Шэнь Цинцю, медленно разжал пальцы. Тот, приосанившись, отряхнул рукава, не удостоив его ни единым словом.

Да им, по правде, нечего было сказать друг другу, поэтому, не обменявшись и взглядом, они гуськом двинулись по коридору. В стылой атмосфере не разносился даже звук шагов.

Ло Бинхэ уверенно миновал многочисленные развилки, не задумываясь ни на мгновение. После длительного блуждания по этому лабиринту их глазам внезапно предстал обширный зал. Обычно архитектура мира демонов сводилась к варьированию разнообразных пещер, обитатели которых годами не



видели ни солнечного, ни лунного света, однако в своде этой было проделано широкое отверстие, пропускавшее солнечные лучи, что придавало пещере почти обжитой вид.

Стоило Шэнь Цинцю миновать дверь, как ему в глаза бросилось, что обстановка комнаты ему знакома: в самом деле, мебель и даже её расположение в точности повторяли его Бамбуковую хижину на пике Цинцзин.

В сердце Шэнь Цинцю тут же вскипела волна неизъяснимого негодования.

Ему до боли хотелось задать Ло Бинхэ вопрос: «Что всё это значит?»

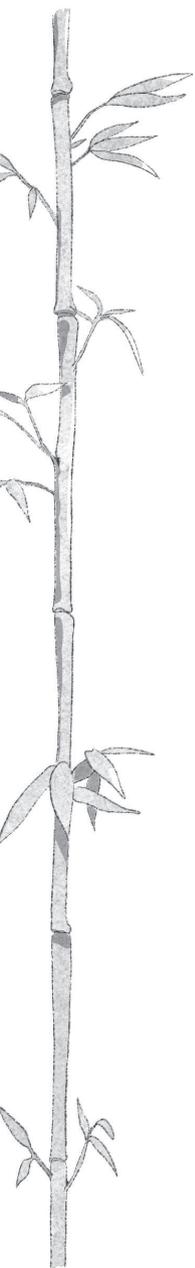
Вы только полюбуйтесь на него: выстроил декорации, привёл актёра, чтобы как ни в чём не бывало и дальше разыгрывать повседневные сценки из жизни любящих друг друга учителя и ученика, как в своих снах!

Сперва он закатывает истерику, давая на жалость, так что сердце Шэнь Цинцю кровоточит от сочувствия; затем плюёт ему в душу, давая понять, что это было сплошным притворством. Право слово, Шэнь Цинцю не считал себя настолько проникательным, чтобы разбираться в этих хитросплетениях правды и лжи в сердце Ло Бинхэ.

Пока он предавался этим тоскливым мыслям, Ло Бинхэ сделал шаг к нему.

Случись это пару дней назад, Шэнь Цинцю, не задумываясь, отступил бы шага на три, но нынче удержался: это уж слишком напоминало бы поведение женщины из хорошей семьи, угодившей в лапы к отъявленному головорезу, — иными словами, это смотрелось бы насквозь фальшиво. Даже оказавшись в невыигрышной ситуации, как дракон на мелководье и тигр на равнине (если, конечно, такое сравнение применимо в его случае), он ни при каких обстоятельствах не мог позволить себе потерять лицо.

И всё же он был не в силах повлиять на напряжение, сковавшее его тело, и успокоить сердце, что натянулось будто





струна. Ресницы против воли затрепетали, пальцы согнулись, готовые сжаться в кулаки.

Это не укрылось от Ло Бинхэ, и тот приблизился к нему ещё на шаг.

— Учитель, как вы думаете, что я собираюсь с вами сделать? — поинтересовался он.

— Понятия не имею, — без затей ответил Шэнь Цинцю.

Он больше не рискнул бы предаваться этому заведомо бесполезному занятию — пытаться разгадать намерения Ло Бинхэ. Всякий раз, когда ему казалось, что истина на поверхности, он умудрялся промахнуться на сто восемь тысяч ли¹!

Ло Бинхэ протянул к нему правую руку. Шэнь Цинцю не шелохнулся, но его взгляд поневоле прикипел к приближающимся кончикам пальцев.

Эта тонкая нежная рука вовсе не походила на длань молодого господина мира демонов, успевшую лишиться жизни бессчётное число людей, — казалось, она создана, чтобы перебирать струны, возжигать благовония и омываться в снегу. Скользнув к щеке Шэнь Цинцю, она едва ощутимо коснулась кожи.

А затем опустилась на его горло.

Шэнь Цинцю не ведал, было ли случайностью то, что пальцы Ло Бинхэ легли аккурат на одну из жизненно важных артерий. Он еле заметно сглотнул.

Но Ло Бинхэ уже убрал руку. Когда он заговорил, в его голосе невозможно было различить ни единой эмоции.

— Моя кровь больше не отвечает на зов. — Выходит, он только что коснулся кожи Шэнь Цинцю, лишь чтобы прове-

¹ Сто восемь тысяч ли 十万八千里 (shí wàn bāqiān lǐ) — обр. в знач. «очень далеко», ср. «за тридевять земель».

В романе «Путешествие на Запад» говорится о том, что Сунь Укун способен одним махом преодолеть на своём волшебном облаке сто восемь тысяч ли, но неспособен усидеть на месте в позе созерцания.





рить действие крови небесного демона. — Похоже, за эти несколько дней учитель пережил ещё одну судьбоносную встречу.

— И что теперь? — бросил Шэнь Цинцю. — Вновь заставишь меня выпить своей крови?

— Вы всё равно сбежите, что с ней, что без неё, — отозвался Ло Бинхэ. — Я предпочёл бы не давать учителю лишний повод меня ненавидеть.

На глазах посторонних он не постеснялся втоптать репутацию учителя в грязь, однако, оставшись с ним наедине, внезапно сделался учтивым и обходительным. Шэнь Цинцю не знал, как выразить, что он чувствует по этому поводу.

— Учитель, прошу, останьтесь здесь хотя бы на время, — обратился к нему Ло Бинхэ. — Можете гулять по моему подземному дворцу где пожелаете. Я поставил слуг за дверью, но они не осмелятся войти сюда. Если вам что-то понадобится, просто дайте им знать.

— Какая предупредительность, — процедил Шэнь Цинцю.

Бросив на него пристальный взгляд, Ло Бинхэ произнёс:

— Вы чего-нибудь хотите?

— Мой выбор не ограничен? — поинтересовался Шэнь Цинцю.

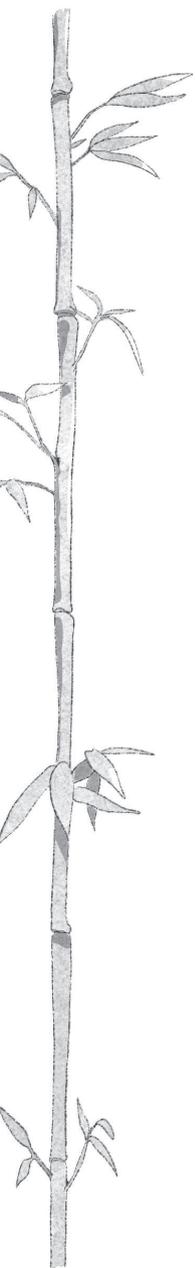
Ло Бинхэ кивнул. Повинуясь гневному порыву, Шэнь Цинцю выпалил:

— Желаю видеть тебя как можно реже. Лучше всего — вообще никогда.

Ло Бинхэ побледнел, словно никак не ожидал от него подобных слов.

При виде его реакции Шэнь Цинцю ощутил мимолётную вспышку мстительного восторга, однако за ней тотчас последовал укол сожаления: прежде ему никогда не доводилось язвить кого-либо столь резкими и безжалостными речами.

Цвет постепенно начал возвращаться в лицо Ло Бинхэ.





— Однажды учитель спрашивал меня, хочу ли я стать сильным.

— Помнится, тогда я также говорил тебе, что назначение этой силы — защищать людей, а не подчинять их своей воле, разорять и убивать, — парировал Шэнь Цинцю.

— В этом вы ошибались, — бесстрастно возразил Ло Бинхэ. — Не все речи учителя были истинны. Лишь став сильным, можно удерживать тех, кто тебе дорог. Я наконец понял, что нет смысла ждать, пока учитель придёт ко мне сам. — Сжав кулаки, он натянул на лицо зловещую улыбку. — А потому теперь, когда учитель в моей власти, ему лучше даже не помышлять о побеге!

Едва этот бесноватый князь демонов покинул сцену, Шэнь Цинцю принялся вызывать Систему:

— Эй, версия 2.0, ты на связи?

【Система предоставляет всестороннюю поддержку, нацеленную на нужды клиента, 24 часа в сутки.】

— Пожалуй, ограничусь всесторонней поддержкой, ну их, эти нужды клиента. Расскажи-ка мне, сколько у меня нынче баллов?

【На вашем счету 1330 баллов притворства. Из «Пути гордого бессмертного демона» успешно удалена метка «Ловец лулзов», разблокировано достижение «Многовато поводов поязвить». Возобновив усилия, вы вскоре получите новое важное достижение, связанное с сюжетной тайной. Уровень крутости главного героя составляет 3840 баллов, уровень гнева — 1500 пунктов, значение разбитого сердца — 4500 пунктов. Пожалуйста, продолжайте стараться.】

Что ж, в целом всё не так уж плохо. Благодаря упорным усилиям по поиску неприятностей на свою задницу этот погрязший в шаблонах гаремник наконец-то пошёл на поправку, если судить по баллам притворства. И хоть загадочное достижение «Ловец лулзов» не слишком воодушевляло, оно всё же звучало немного лучше, чем «Непрекращающийся бомбёж». Что же до





【 Система «Спаси-Себя-Сам» для Главного Злодея. Том 3】

пунктов гнева, то он успел убедиться, что они на поверку не так уж страшны, как ему представлялось. А вот пассаж насчёт разбитого сердца неожиданно сильно задел чувства Шэнь Цинцю, вновь заставив его ощутить укол вины.

— Я могу обменять эту кучу баллов крутости на что-нибудь дельное? — отводя взгляд, спросил Шэнь Цинцю.

【Вы можете оплатить баллами апгрейд утилиты Системы.】

— Валяй! — тут же повеселел Шэнь Цинцю.

Мелодично тренькнув, Система принялась неторопливо загружать пакет обновлений.

Тут-то в душу Шэнь Цинцю закралось сомнение, которое он не преминул озвучить:

— Постой, а как называется эта твоя утилита?

【Улучшенная версия Малого двигателя сюжета.】

Шэнь Цинцю что было сил надавил на «крестик» загрузочного окна.

«Чёрт, эта хрень за три тысячи баллов уже скачалась! — ругнулся он. — Жди теперь отрицательного отзыва!»

Вот так, покрывая взбесившую его Систему нецензурной бранью, Шэнь Цинцю и приступил к жизни под домашним арестом.

В последующие дни Ло Бинхэ был слишком занят объединением демонических племён в северных владениях Мобэй-цзюня, а Ша Хуалин, похоже, официально взялась за осуществление своего грандиозного плана по выкапыванию ямы родному отцу — в самом что ни на есть прямом смысле этого слова. Что и говорить, нынче у Ло Бинхэ был весьма напряжённый период: в кратчайшие сроки ему предстояло известить или же перетянуть на свою сторону немало врагов, так что, видимо, ему стало попросту не до пленника...

Или же его хрустальное сердце разлетелось на куски от жестоких слов учителя, так что он больше не отваживался показаться ему на глаза.



И Шэнь Цинцю стоило немалого труда не думать о подобной возможности.

В конце концов, разве не об этом он мечтал: если Ло Бинхэ и вправду оставит его в покое, то Шэнь Цинцю сможет, пользуясь долгожданной передышкой, есть, пить и слоняться без дела в своё удовольствие. Этому немало способствовало и то, что Ло Бинхэ, не в пример героям стрёмных книжонков, которые нежно любила младшая сестрёнка Шэнь Юаня, не потрудился приковать его цепями к изголовью кровати, чтобы, раздев, завязав глаза и засунув в рот кляп, избивать — или что ему там ещё в голову придёт. В конце концов, невозможно достичь счастья, если не научишься довольствоваться малым, так что уж лучше смириться и как-нибудь приспособиться.

«Дерьмо собачье! — негодовал про себя Шэнь Цинцю. — Именно им набиты мои мозги, раз я умудряюсь тешить себя подобными соображениями. У меня ведь нет стокгольмского синдрома — так с какой радости я растекаюсь в благодарности при малейших признаках хорошего обращения? С каких это пор вместо того, чтобы самостоятельно распоряжаться своей судьбой, я полагаюсь на чужую милость?!»

От безуспешных попыток переформатировать свои бедные мозги они так раскалились, что Шэнь Цинцю нечаянно порвал надвое страницу книги, которую читал. В тот же момент его ушей достиг громкий треск бамбуковых стеблей за окном. Подняв занавесь, чтобы посмотреть, что там такое, он обнаружил группу молодых демонов-слуг, суетливо снующих вокруг. Высунувшись из окна, Шэнь Цинцю поинтересовался:

— Чем это вы тут занимаетесь?

— Бессмертный мастер Шэнь, мы вас потревожили? — с крайней почтительностью обратился к нему слуга-демон и тотчас расплылся в поддобрострастной улыбке — можно по-





думать, он разговаривал не с пленником. — Мы здесь высаживаем бамбук.

— Бамбук? — оторопел Шэнь Цинцю.

— Так точно. Вам должно быть хорошо знакомо это растение из мира людей. В мире демонов он не очень-то приживается и плохо растёт, но повелитель полон решимости добиться успеха, так что придётся нам придумать какой-нибудь способ.

Наблюдая за ним, Шэнь Цинцю пришёл к выводу, что тот, кто обладает подобной силой и сноровкой, не может быть обычным слугой-чернорабочим — более того, у него закралось подозрение, что Ло Бинхэ согнал на это волонтаристское начинание своих лучших бойцов. Заставлять таких мастеров сажать бамбук — поистине расточительно.

Но и этим дело не ограничилось. Первые два дня у Шэнь Цинцю совершенно не было аппетита, однако на третий день ему надоело голодать, и он снизошёл до того, чтобы обменяться парой **игривых** сдержанных фраз с симпатичной демоницей, светлокожей и фигуристой, и попросил её принести поесть.

Однако не успел он поднять палочки для еды, как понял, что не в состоянии проглотить ни кусочка.

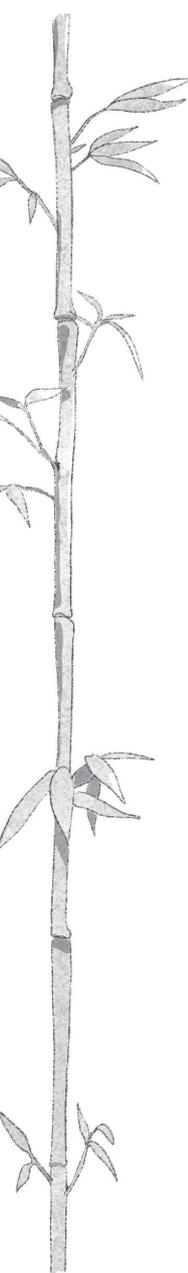
Девушка склонила голову набок и с улыбкой поинтересовалась:

— В чём дело, мастер Шэнь, это блюдо недостаточно аппетитно?

О, дело было вовсе не в этом — скорее, оно было чересчур аппетитно, причём этот аромат был до боли ему знаком. Минуло немало лет с тех пор, как он в последний раз его вдыхал, только и всего.

— Вы сами это приготовили? — опустив палочки, поинтересовался он.

— Вы, верно, шутите, — хихикнула она. — Я всего-то и умею, что забить да съесть добычу сырьём или дать ей ма-





лость полежать, прежде чем подать на стол. Я ни бельмеса не смыслю в вашей человеческой кухне — от всей этой возни с очагом, дровами, рисом, маслом и солью помрёшь с тоски.

...Вот ведь грёбанный сюрприз. Выходит, эта прекрасная девушка с нежным голосом и благоуханным дыханием — любительница тухлятинки. Шэнь Цинцю каждый день наблюдал за тем, как она протирает стол и подметает пол, и давно понял, что с ней обошлись несправедливо: судя по её силе, ей более подобало размахивать секирой в гуще битвы, разрубая врагов надвое, словно овощи да дыни, — и, видимо, именно это и было её истинным родом занятий.

— Тогда кто же это приготовил? — не меняясь в лице, глухим голосом спросил Шэнь Цинцю.

— Ох, я не осмелюсь сказать, — покачала головой девушка. — Иначе господин меня прибьёт.

«Не осмелишься», говоришь? Будто он сам не в состоянии понять, едва вкусив это блюдо!

Шэнь Цинцю отложил было палочки, затем поднял их вновь. Как там говорится в той поговорке? Берущая длань коротка, накормленные уста сладки?¹ Шэнь Цинцю справедливо опасался, что, разок отведав этой пищи, он не сможет столь же решительно высказывать недовольство действиями Ло Бинхэ. Однако тот, кто приготовил это блюдо, слишком хорошо изучил его вкусы и привычки — раздумывая над этой непростой проблемой, Шэнь Цинцю съел всё до последней крошки...

Убрав со стола, демоница удалилась, покачивая бёдрами и прикрывая ладонью хитрую ухмылку. Вскоре после её

¹ Берущая длань коротка, накормленные уста сладки (букв. мягки) 拿人家手短, 吃人家嘴软 (ná rénjiā shǒuduǎn, chī rénjiā zuǐguǎn) — поговорка, означающая, что, принимая что-то от другого человека, потом неудобно выступать против него или говорить о нём дурно.





ухода занавес приподнялся, и в хижину нетвёрдой походкой ввалился новый посетитель. При едином взгляде на него желчь волной поднялась из желудка Шэнь Цинцю, и он вместо приветствия встретил вошедшего критическим ударом:

— Сян Тянь Да Фэйцзи, твою мать, ты!..

Шан Цинхуа успел вскинуть руку и заслониться мечом в ножнах, который поглотил силу удара.

— Эй-эй-эй, осади назад! — затараторил он. — Шэнь-дада¹, нельзя же так с людьми! Если ты ебанёшь по мне так ещё раз, мне-то, конечно, кранты, но и тебе от того парня тоже ничего хорошего ждать не придётся!

— Ты сдал меня с потрохами! — проревел Шэнь Цинцю. — А как же наше товарищество? Или мы больше не земляки?!

— О каком таком товариществе ты мне задвигаешь? — обиженно парировал Шан Цинхуа. — Скорее уж у нас лавхейт²! Ай, не надо так, больно же... А что мне, спрашивается, оставалось? Это ж Непревзойдённый Ло — он бы и без меня мигом обо всём догадался. Ну и зачем мне принимать напрасные мучения? В этом нет ни малейшего смысла, так что я во всём сознался, чтобы облегчить свою участь!

Столь неприкрытое бесстыдство шокировало Шэнь Цинцю. Воспользовавшись этим, Шан Цинхуа вошёл и, приподняв подол, расположился за столом. Со стуком опустив на стол меч, он заявил:

— Так что давай не будем больше об этом. Мне было велено доставить это тебе.

Стоило Шэнь Цинцю присмотреться к мечу, как рука сама собой потянулась, чтобы погладить ножны. Тот самый меч,

¹ Дада - 大大 (-dàdà) — неформальное вежливое обращение, пер. с кит. «отец», «дядюшка».

² Лавхейт — в оригинале 相爱相杀 (xiāng ài xiāng shā) — в пер. с кит. «взаимно любить, взаимно убивать» — о парах, которые, любя друг друга, причиняют друг другу боль.



что рассыпался на осколки вместе с его душой, злосчастный Сюя.

Шэнь Цинцю был так сильно привязан к своему мечу, что, заполучив его, и думать забыл о том, как хотел вздуть Шан Цинхуа всего мгновение назад. Вытянув клинок из ножен, он принялся любоваться снежным блеском длинного изящного лезвия — столь же прекрасного, как и прежде. Осколки соединили так искусно, что швов совсем не было видно, словно на одеяниях небожителей — ни малейшей трещинки. Благодаря этому воссозданное лезвие прямо-таки лучилось духовной силой.

Сидевший с другой стороны стола Шан Цинхуа нервно усмехнулся и, потирая руки, поцокал языком:

— Ай-яй, я и помыслить не мог, что... Что история столь далеко отклонится от оригинального сюжета, — со вздохом признался он. — Невероятно, воистину невероятно.

— Тебе что, и дела нет до того, что чудесный герой твоего романа вместо того, чтобы обзавестись гаремом, заделался обрезанным рукавом? — удивился Шэнь Цинцю.

— Да мне-то какая разница, — как ни в чём не бывало отозвался Шан Цинхуа. — Во всяком случае, он запал не на меня.

С чувством показав ему средний палец, Шэнь Цинцю опустил голову, сосредоточившись на полировке меча. На это Шан Цинхуа воздел большой палец:

— Ладно тебе, всё не так уж плохо. Перед тобой открываются весьма недурные перспективы, весьма. Уж поверь мне, эти крепкие бёдра способны ковать золото¹!

— Иди ты в жопу со своими крепкими бёдрами, — огрызнулся Шэнь Цинцю. — Ладно бы ещё речь шла только

¹ Крепкие бёдра — в оригинале используется идиома 金大腿 (jīn dàtuǐ) «золотые бёдра», означающая сильного и могущественного человека. Шан Цинхуа тем самым делает отсылку к другой поговорке — «обнимать бёдра», что означает «стремиться к покровительству сильных мира сего».

